
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О РАЗВИТИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО И ПРИКЛАДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

© 2010 г. В. Н. Синюков¹, Т. В. Синюкова²

Совершенствование юридического образования в стране происходит в общем контексте развития отечественной высшей школы. Ориентиром такой модернизации выступает выбор приоритетов: структурных, содержательных, финансовых, среди которых выделяют поддержку инновационных вузов, создание федеральных и исследовательских университетов, включение отечественных вузов в европейское образовательное пространство³. Какое место в этих процессах должно занять отечественное юридическое образование? Какая система юридических образовательных учреждений в России адекватна потребностям развития и повышения его качества? Каковы разумные пути интеграции нашей юридической образовательной культуры в европейскую и мировую правовую культуру? Ответы на эти вопросы во многом обусловлены пониманием закономерностей фундаментальной и прикладной составляющих отечественного юридического образования.

Университетский тип юридического образования. Важнейшая традиция отечественной высшей школы – фундаментальность подготовки⁴. Для профессионального образования всегда было типичным сочетание основательности с прагматизмом и рациональностью в подготовке кадров. Более чем за двухвековое развитие юридического образования было сформировано две его разновидности – университетское и специализированное (прикладное). Фундаментальность их

различна: университетское основано на широком естественнонаучном и гуманитарном междисциплинарном базисе; прикладное опирается главным образом на профессионально-специализированные области знания.

Приведем пример. В Саратове – одном из федеральных центров юридического образования действуют академия права и классический университет, юридический факультет которого, выделившись в 1936 г. в самостоятельный вуз, стал основой нынешней юридической академии. Изменился ли за последующие годы в рамках академии тип юридической подготовки по сравнению с университетской? Безусловно. Расширенная система юридических кафедр, квалификация выпускников академии характеризуются отраслевой направленностью на прикладные потребности, в том числе юридических ведомств.

Что же тогда означает университетский тип юридического образования? Поясним на примере саратовского классического университета. Так, на историческом факультете Саратовского государственного университета, на котором несколько лет назад началось возрождение университетской юридической подготовки в регионе, в числе других имеются кафедры археологии и этнографии, историографии и региональной истории; истории российской цивилизации. Используется ли этот уникальный методологический потенциал для подготовки юристов? Очень мало. В нашем сознании во многом стерлись объективно существующие границы между типами (видами) юридического образования. Так, в юридической науке и практике объективно существует заказ на проблематику региональной правовой культуры, региональной и местной правовой истории. В последние десятилетия в науке ощущается дефицит квалифицированных исследований в области древнего и средневекового русского права, юридического быта населения, правовой этнографии регионов, национальных меньшинств, конфессионального правосознания. Наша вузовская философия права во многом превратилась в экзотический спецкурс, теория права преподает-

¹ Профессор Саратовской государственной академии права, член совета Учебно-методического объединения по юридическому образованию вузов России, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ.

² Заведующая кафедрой теории государства и права юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат юридических наук, доцент.

³ См.: Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 годы. Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2005 г. № 803. М., 2006. С. 20–21.

⁴ См.: Садовничий В.А. Университет XXI века. Размышления об университетском образовании. М., 2006. С. 18–19; Марченко М.Н. Юридическое образование в современной России: состояние и перспективы развития // Правоведение. 1999. № 3. С. 222–231.

ся в основном как позитивистское законоведение. Кто должен преодолевать эти барьеры? Конечно, фундаментальная юридическая наука, которая должна использовать в вузовском секторе богатые гуманитарные возможности классического университетского образования.

В мире сложилось несколько концепций университета: континентальная (гумбольдтовская), отдающая предпочтение воспроизводству научного знания и широкой гуманитарной культуры; английская, не отвергающая исследование в целом, но отдающая значительное предпочтение обучению, и американская, ориентированная на сочетание исследования и обучения как метода решения инновационных проблем общества и бизнеса⁵.

Фундаментальный подход к концепции юридического образования – характерная черта континентальной правовой традиции. По известному определению А. Гумбольдта: “Университет – это научное учреждение, занимающееся обучением”. Данная традиция в последние десятилетия значительно эволюционировала в сторону усиления практической компоненты, однако активные интеграционные процессы в мире все же говорят в пользу базовой модели – широкого гуманитарного образования юристов. Ф. фон Лист, выдающийся немецкий криминолог и криминалист, писал: “...Криминалист, кто бы он ни был – профессор уголовного права, полицейский чиновник, прокурор, судебный следователь, судья, адвокат, начальник тюрьмы, не должен быть только юристом. Мы усматриваем в чисто юридическом образовании наших теоретиков и практиков-криминалистов глубочайшее основание многих недостатков и несовершенств в деле борьбы с преступностью... Нам не приходит в голову требовать от криминалиста самостоятельных антропологических или статистических исследований, но мы требуем от него, чтобы он столько же освоился с результатами уголовной антропологии и уголовной социологии, сколько с постановлениями уголовных законов и решениями кассационного суда”⁶.

Для другой концепции университетского образования – англо-американской характерна нацеленность, как правило, на формирование исключительно навыков практикующего юриста в конкретной, часто довольно узкой сфере юридической практики. Так, степени права рассматри-

ваются в США как профессиональные, поэтому подготовка специалистов в этой области осуществляется в школах права, представляющих собой учебные подразделения университетов последиplomного уровня (например, на базе бакалавриата в области экономики, политологии, социологии)⁷.

Нельзя не отметить определенной специфики развития классических университетов советского периода. Так, “характерной особенностью развития многих российских университетов (например, Саратовского, Нижегородского, Воронежского, Томского и др.) была ориентация подготовки выпускаемых ими специалистов на потребности военно-промышленного комплекса (ВПК). Следствием такой ориентации было, с одной стороны, преимущественное развитие естественнонаучных направлений в университетском образовании, с другой – отпочкование от университетов в качестве специализированных учебных институтов медицинских, сельскохозяйственных и ряда других факультетов”⁸.

В числе отпочковавшихся были и юридические факультеты. Там, где они остались или впоследствии были открыты, сложилась определенная изоляция юридических школ от университетской науки – естественной, технической и гуманитарной. Дело осложнялось еще и тем, что сама гуманитарная университетская наука развивалась в глубоком отрыве от зарубежного обществознания. В результате даже университетское юридическое образование в СССР и затем России теряло фундаментальность, а учебные планы и уровень подготовки в специализированных юридических вузах и на юридических факультетах университетов стали постепенно нивелироваться. Так, трудно будет найти в большинстве отечественных классических университетов, скажем, музей юридической антропологии или лабораторию региональной правовой этнографии либо криминалистическую лабораторию в сфере высоких технологий. В стране всего два классических университета – Белгородский и Саратовский, где на юридических факультетах была открыта специальность “Судебная экспертиза”. Это – при значительном естественнонаучном потенциале российских классических университетов!

⁵ См.: *Ладыженец Н.С.* Развитие идеи западного университета. Социально-философский анализ. Ижевск, 1991. С. 20–21.

⁶ *Лист Ф.* Задачи уголовной политики. М., 2004. С. 9.

⁷ См.: Подготовка специалистов в области гуманитарных и социально-экономических наук (Материалы для сравнительного анализа). М., 1995. С. 70.

⁸ *Геворкян Е.Н., Трубецков Д.И., Усанов Д.А.* О реализации концепции фундаментального образования в Саратовском государственном университете // Проблемы развития высшего и среднего профессионального образования в Саратовской области. Саратов, 1997. С. 49.

К сожалению, такое нивелирование не способствовало улучшению качества профессиональной юридической подготовки как в университетах, так и в профильных вузах, но лишь препятствовало развитию новых междисциплинарных научных направлений на юридических факультетах университетов, в чем, собственно, и должна была состоять их миссия.

Фактическая утрата специфики университетского образования и специализированной юридической подготовки закреплялась унифицированной квалификационной характеристикой юриста по единственной правовой специальности – 1801 “Правоведение” с дальнейшей ее модификацией (“Юриспруденция”), где в одной модели специалиста фактически объединялись правоприменительные, правотворческие, организационно-управленческие и исследовательские навыки юриста⁹. На абсурдность этой ситуации обращали внимание еще в советское время. Так, ректор одного из ведущих юридических вузов СССР – Свердловского юридического института проф. Д.Д. Остапенко отмечал, что «существование единой специальности “Правоведение” ориентирует на подготовку универсального юриста, что практически невозможно»¹⁰. Действительно, фундаментальности юридической подготовки противоречит всеохватная “универсальность” стандарта. Фундаментальность – не в поверхностном “скольжении” по всему праву, а в освоении его методологии и углублении в отдельные базовые структуры. В проекте Федеральной программы развития системы юридического образования в России отмечалось, что «существующая единая специальность “Юриспруденция” без дифференциации по видам деятельности противоречит самой идее дипломированного специалиста»¹¹.

Основная проблема отечественной юридической школы в университетском секторе на сегодняшний день – создание в стране полноценного юридического фундаментального образования современного инновационного типа. Провинци-

альность, узкая национальная ориентация на действующее законодательство, обучение теориям, имеющим ограниченный характер, должны быть преодолены в пользу значительного расширения предметно-правового поля науки и образования, их открытости миру, нового соотношения с социальной практикой. В настоящее время отечественное университетское юридическое образование переживает кризис, смысл которого состоит в утрате сущностной специфики и фактическом слиянии с остальными институтами высшего образования, что отражает в целом переломные черты в развитии университетов – их провинциализацию, политизацию, утилитаризацию. В результате сейчас в России “большинство периферийных университетов по существу таковыми не являются, не реализуя основополагающую миссию, вытекающую из идеи университетского образования, – быть центрами обучения, исследования и культуры..., поэтому первоочередной задачей является обретение ими адекватного статуса с преимущественным вниманием к сфере исследования и развития культурного потенциала”¹².

Реализация этой задачи в аспекте правовой культуры прежде всего предполагает возвращение на юридические факультеты университетов фундаментальной юридической науки во всей полноте ее междисциплинарных измерений. Этот процесс возможен на основе реального внутриуниверситетского объединения юридических факультетов с иными направлениями университетских и общеакадемических исследований. Юридические факультеты по своей природе закономерно предрасположены также к творческой интеграции с гуманитарными институтами РАН¹³.

В дальнейшем роль университетов будет определяться способностью предложить наряду с фундаментальными курсами программы с высокой степенью специализации. Такие программы могут быть встроены в университетское образование через концепцию юридических школ (ака-

⁹ См.: Квалификационная характеристика юриста по специальности 1801 “Правоведение”. Утверждена Приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 9 декабря 1982 г. № 1224. М., 1983. С. 1.

¹⁰ Остапенко Д.Д. Особенности организации учебного процесса и подготовки специалистов в юридических институтах // Вопросы дальнейшего совершенствования юридического образования в стране в свете решений XXIV Съезда КПСС. М., 1973. С. 10.

¹¹ Федеральная программа развития системы юридического образования в России (Основные положения). Проект. М., 1995. С. 10.

¹² Ладыжцев Н.С. Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации. Ижевск, 1992. С. 176.

¹³ Движение в этом направлении сейчас очевидно. Так, на юридическом факультете СГУ совместно с Саратовским филиалом Института государства и права РАН (СФ ИГП РАН) создан Научно-образовательный центр региональной правовой политики. Такой же центр по изучению правоохранительной политики СФ ИГП РАН создал совместно с Саратовским юридическим институтом МВД России. Работа бывает затруднена тем, что в современном отечественном правоведении сильны ведомственные перегородки, не во всем определены механизмы практического использования научных результатов.

демий) при классических университетах, в том числе для обучения в сокращенные сроки лиц, получивших степень бакалавра в сфере неюридических наук.

Потребности нашей правовой культуры заключаются в восстановлении многообразной полноты типов и уровней юридического образования. Для этого в первую очередь необходимо воссоздать адекватное классическое университетское юридическое образование, вернуть ему приоритет и специфику – опору на широкую гуманитарную и естественнонаучную основу. Примером структурно-содержательного развития университетской подготовки могут служить новые междисциплинарные направления, зарождающиеся на стыке догматической юриспруденции, политологии, социологии, антропологии, регионоведения, сравнительного права. Так, в литературе обоснованно ставится вопрос о недостаточности традиционной теории государства для понимания современных юридических проблем последнего, необходимости формирования специальной научной и учебной дисциплины “Государствоведение”, которая изучала бы государство в системно-структурном и мультидисциплинарном контекстах¹⁴. По нашему мнению, такая отрасль знания и учебная дисциплина могут служить моделью инновационной образовательной программы (например, магистерской) современного университета.

Прикладное юридическое образование и юридическая практика. Стремление к фундаментальности в юридическом образовании само по себе не ведет к решению проблем юридической практики. Даже при нынешней довольно развитой системе производства юридического знания в России проблема реального уровня правового быта населения, работы госаппарата остается весьма острой. Дело в том, что юридическая наука в России имеет весьма слабые прикладные школы и методологии, часто без соответствующей организационной инфраструктуры. В целом наблюдается значительный отрыв массового, обыденного правосознания от правосознания официально-академического.

В связи с этим базовый университетский уровень юридического образования нуждается в дополнении тесно с ним связанной и интегрированной в практическую юриспруденцию системой отраслевой и прикладной профессиональной под-

готовки. Профессиональная подготовка юристов и непрерывное образование в этой сфере выйдут за рамки университетского образования. Их задача состоит в проведении на базе фундаментальной науки отраслевых и прикладных юридических исследований, а также в подготовке или “доводке” лиц, получивших базовое университетское образование, до определенной юридической квалификации в конкретной, в том числе узкой, сфере юридической деятельности.

К сожалению, в отечественном юридическом образовании оказались значительно ослабленными структуры отраслевого профессионального обучения. Например, вслед за переименованием в 90-е годы военных училищ, высших и средних школ МВД и других правоохранительных ведомств в институты, академии и даже университеты обозначился застой в подготовке профессионалов – следователей, оперативных сотрудников, участковых, военных специалистов. Погоня за “высокими” статусами и “престижными” дипломами вела к нивелировке образовательных программ юридических вузов, “вымыванию” из юридического образования именно школ как необходимого прикладного элемента отраслевой правовой инфраструктуры.

Школа – это не принижение образовательного статуса образовательной организации. Это – высшее фундаментальное образование. Но эта фундаментальность определяется не высокоабстрактным движением мысли к новому знанию, а систематизированным составом дисциплин и усвоением конкретных навыков и умений в высокоспециализированной сфере юридической деятельности.

В настоящее время ведущий тип нашего юридического образования – академическо-прикладной. Прикладное юридическое образование имеет в России глубокие традиции¹⁵.

Сложившись в России в первой половине XIX в. (Училище правоведения, Аудиторское училище, Военно-юридическая академия), данный тип юридической подготовки достиг системности в рамках советской высшей школы,

¹⁴ См.: Чиркин В.Е. Государствоведение как отрасль знания и учебная дисциплина // Гос. и право. 2008. № 4. С. 13–20.

¹⁵ См., например: Зипунникова Н.Н. Юридическое образование в императорской России (Постановка основных проблем) // Юридическое образование в России: в поисках новой модели. Сборник научных статей. Саратов – Екатеринбург, 2005. С. 120; Дудырев Ф.Ф. Российское юридическое образование в эпоху реформ (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Гос. и право. 2005. № 1. С. 90–91; Скрипичев Е.А. О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII – начало XX в.) // Гос. и право. 2000. № 9. С. 81–89.

которая в 30-е годы XX в. отказалась от приоритета университетского образования. Процесс “разукрупнения” университетов и выделения из них самостоятельных институтов и академий был завершен к 50-м годам, когда в СССР сформировалось академическо-прикладное инженерное, педагогическое, медицинское, сельскохозяйственное и юридическое образование. Именно этот тип учебных программ реализуют сейчас большинство отечественных юридических вузов независимо от аккредитационного статуса, включая большинство юрфаков классических университетов.

Что характерно для данного типа юридического образования? Относительная широта и в то же время прикладная утилитарность профессиональной квалификации, связь с производством (практикой), главным образом отраслевой и прикладной характер научно-исследовательской деятельности.

Возможно, далеко не случайно, что именно государство “диктатуры пролетариата” в 30-е годы XX в. фактически вывело наше юридическое образование из университетской структуры и организовало подготовку юристов для правоохранительных органов и государственного аппарата преимущественно в изолированных академических учреждениях – институтах с целой системой социально-партийных предпочтений, ограничений и более жесткого по сравнению с университетами идеологического контроля. Произошел своеобразный возврат к дореволюционной университетско-ведомственной системе с той лишь разницей, что на многих сохранившихся юридических факультетах, отличавшихся штатно-кадровой маломощностью, так и не удалось восстановить дореволюционный уровень и широту фундаментальных и прикладных юридических исследований.

В целом дезинтеграцию университетов 30-х годов в СССР для юридического образования следует оценить отрицательно. Университетские по своей природе специальности (медицина, педагогика, юриспруденция и др.) лишились широкого междисциплинарного научного фундамента для дальнейшего развития. В этом – причина снижения качества юридического образования в стране, в которой оказалась разорванной единая инфраструктура фундаментального и прикладного секторов высшей школы. В юридическом образовании этот разрыв фактически до сих пор не позволяет по-настоящему решить проблему качества в соответствии с новыми требованиями рыночной экономики. Если в университетском

секторе из-за его кадровой ограниченности недостает правовых идей, научного уровня, адекватных новому положению России, ее экономики, культуры и национальных отношений, то в прикладном секторе высшей юридической школы многие годы безуспешно реализуется попытка всеохватного академизма, подменяющая работу над углубленными профильными квалификациями.

Во многих специализированных юридических вузах – юридических академиях и институтах – доминируют формальная широта учебных программ, непомерная для юридической профессии абстрактность и неточность подготовки, поверхностные режимы практик и стажировок, несистемное участие юристов-практиков в учебном процессе.

Не секрет, что молодые специалисты с дипломами правоохранительных факультетов академий права, силовых ведомств подчас не могут грамотно провести осмотр места происшествия, составить процессуальный документ, назначить судебную экспертизу, организовать взаимодействие в составе следственно-оперативной группы и т.д. Поэтому общей проблемой для университетов, академий и институтов права стал вопрос практических навыков и умений. Фактически нынешняя модель профессиональной юридической подготовки, реализуемая как в университетах, так и в специализированных вузах страны, основную часть проблем “доводки” юриста до профессиональной готовности возлагает на работодателей. Последние несут значительный риск, принимая на работу выпускника даже специализированного юридического вуза, что уж говорить об университете.

«Потребители не хотят ждать, – отмечает декан юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, проф. А.К. Голиченков, – когда адаптируются выпускники юрфака, адаптируются к конкретной отрасли, к конкретному предприятию. Каждая неделя, месяц простоя этого юриста с университетским образованием для него (потребителя) потери. Он хочет получить готового юриста. И тут мы выходим на две проблемы: образование – это система навыков и квалификаций или некая другая система? Мы по-прежнему готовим специалистов, которые должны обладать и системой знаний, и системой навыков. Но в университете преимущество отдается системе знаний, а система навыков – “придешь на практику – там научишься”. Вот такая у нас идеология. А правильная она сегодня или неправильная, я думаю, что нет, потому что мы должны отреагировать

на то, что от нас ждут на практике. Мы должны готовить, чтобы были с системой знаний, минимально необходимой, и с хорошей системой навыков...»¹⁶.

Конечно, выпускник юрфака не должен покидать университет с “минимально необходимой системой знаний”, скорее наоборот. Иначе теряется смысл фундаментального университетского образования. Но обеспокоенность декана говорит о нынешней концептуальной неопределенности в отношении места и характера прикладной компоненты в существующих типах юридического образования. Не дублируя друг друга в целях и содержании образования, университеты и специализированные академические вузы нуждаются в адекватной их сущности прикладной инфраструктуре. Если в специализированном вузе такая инфраструктура закономерно находится как бы “внутри” учебного процесса и даже доминирует в нем, то “практичность” выпускника университета иная: она определяется его способностью к гораздо более широкой системе юридической деятельности и поэтому состоит не в погружении в конкретную профессию (специальность), а в освоении “открытых” общесистемных правовых компетенций.

Именно эти компетенции образуют его ценность для практики, той ее части, которая нуждается не в строго очерченном функционировании, а в постановке и решении творческих задач. С ростом экономики, интеграцией ее в международный уклад сектор приложения труда юристов с такой открытой квалификацией будет неизбежно расширяться – юридическая наука, образование, бизнес, внутренние и международные экономические отношения, законотворчество, новые технологии обеспечения безопасности, современная система правосудия, работа госаппарата и многое другое.

Все это говорит о необходимости значительной содержательной и организационной модернизации этой части высшей юридической школы. Имеющиеся механизмы получения прикладной квалификации в университете и специализированном вузе сейчас никак не состыкованы и недостаточны. При этом смешиваются различные концепции юридического образования, что ведет к дезориентации преподавателей, студентов и работодателей.

¹⁶ Голиченков А.К. Выступление на УМО по юридическому образованию вузов России 31 марта 2006 г. // Информационный сборник УМО по юридическому образованию вузов России. 2006. № 2. С. 23.

В профессионально-прикладном аспекте юридического образования мировая практика идет по пути создания юридических школ практической направленности, организационно ассоциированных с вузами¹⁷. В Европе и России в данную систему включаются юридические клиники, юридические фирмы, филиалы выпускающих кафедр в юрисдикционных органах и т.д.¹⁸

Типы юридического образования и Болонский процесс. Каким образом современные типы юридического образования в России соотносятся с требованиями европейской интеграции? Европейское образовательное пространство предполагает применение общих критериев учебного процесса к универсальным по своей природе видам деятельности (имеются в виду академическая мобильность и стыковка квалификаций). Юридическое образование по своим исходным принципам, безусловно, относится к таким видам деятельности, поэтому не только допускает стыковку квалификаций, полученных в разных странах, но и делает желательным строить профессиональное мировоззрение юриста на методе сравнительного правоведения. По мнению проф. Н.С. Нижник, “студент университета сможет стать специалистом высокого класса только при условии, когда он изучает юридические понятия, категории, конструкции и способы их выражения в разных правовых порядках. Такие знания не устареют и через несколько лет, даже если изменятся ныне действующие российские законы”¹⁹.

Качество национального юридического образования только повысится, если оно реально

¹⁷ Об истории организации американских юридических школ см., например: Саломатин А.Ю. История юридической профессии в США (Конец XVIII–XIX в.) // Гос. и право. 2004. № 2. С. 91–97.

¹⁸ См., например: Синюков В.Н. Опыт Саратовского юридического института по решению проблем перехода экспертно-криминалистических вузов МВД России на инновационный путь развития // Судебная экспертиза. 2008. № 3. С. 5–12.

¹⁹ Нижник Н.С. Ремесленник или мыслитель: диалектика профессиональной подготовки юристов в контексте идеологии юридического утилитаризма // Юридическое образование в России: в поисках новой модели. Сборник научных статей. С. 44. Новые потребности в образовании юристов, обусловленные процессом глобализации мировой экономики, доказывают необходимость определенного приоритета курсов сравнительного и международного права (см.: Малько А.В., Саломатин А.Ю. О правовой реформе в России и совершенствовании юридического образования. Пенза, 2006. С. 18–23; Саломатин А.Ю. Сравнительное право в России и концепция его преподавания. Пенза, 2008. С. 15, 20–21).

интегрируется в систему европейской образовательной правовой культуры. Это вовсе не означает утраты национальной самобытности и специфики. Наоборот, именно на основе открытости, духовной конкуренции, вовлечения в творческий оборот достижений мировой правовой культуры национальное правосознание способно раскрыть свои особенности и цивилизационные преимущества.

Мы должны стремиться к тому, чтобы дипломы наших юридических факультетов были конвертируемы в аспекте методологии юридического мышления и в базовых отраслях права континентальной правовой традиции. Юридическая автаркия, присущая советскому правоведению, не отвечает интересам развития отечественного правоведения, практике глобальных экономических отношений и поддержания национальной безопасности. Войти в число лидеров XXI в. невозможно с архаичным и коррумпированным правопорядком и встроенной в него системой подготовки кадров.

Россия по ряду направлений ослабила дореволюционный потенциал академической правовой культуры, который так необходим для полноценной интеграции в европейское образовательное пространство. Вхождение в него российских юристов отнюдь не сводится к перемене уровней образования и измерительных средств учебной работы студентов. У нас исчезли целые школы в сфере философии, теории, истории права и государства, правовой антропологии и этнографии регионов, юридической славистики, римского и международного частного права, полиеистики, канонического права. Науки государственно-правового, уголовно-правового и криминалистического блоков, наиболее сохранившиеся и получившие относительно преемственное развитие, тем не менее развивались фактически вне мирового контекста юридической науки. Между тем русская правовая культура своими оригинальными достижениями во многом обязана творческому взаимодействию с европейской правовой культурой. «Наше отношение к западной науке можно сравнить с отношением глоссаторов к римской юриспруденции, – писал Н.М. Коркунов. – И нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки... Мы не могли, как они, спокойно работать над усвоением плодов опередившей нас науки запада. Наука эта – наука живая. Она развивается с каждым днем, идет вперед... Тем не менее, в каких-нибудь полтора-два десятилетия мы почти успели наверстать отстававшую нас

от западных юристов разницу в шесть с лишком столетий»²⁰.

Решая вопросы модернизации юридического образования, необходимо ставить проблему гораздо шире – восстановление полноценного, в том числе международного, контекста нашей юридической научно-образовательной культуры. Только такая научно-образовательная среда способна реально влиять на становление гражданского общества в России, где очень недостает внятного юридического голоса, признанных юридических авторитетов, способных оказывать реальное конструктивное влияние, и не только из среды госчиновников.

Конечно, профессиональная юридическая подготовка очень тесно связана со спецификой национальной правовой системы и в ряде случаев не может быть объектом прямой конвертации юридических квалификаций в рамках Болонского процесса. Речь идет о специализированных вузах МВД, ФСБ и некоторых других. Однако перечень их юридических программ не так уж широк, и вузы правоохранительного профиля должны готовить (и готовят сейчас) специалистов-юристов по отдельному стандарту «Правоохранительная деятельность». Но и в этом сегменте юридического образования не следует слишком замыкаться на национальные границы. Опыт других стран в организации обучения полицейских, специалистов по защите информации, экспертов-криминалистов имеет универсальную ценность, в том числе для России.

Реформа госстандарта и структура юридического образования. Действующий госстандарт специалиста исчерпал пределы своей гибкости. Фактически в любом варианте специализации он ставит целью дать знание всего российского (и не только) права, что далеко не всегда возможно и целесообразно и ведет к поверхностности и дилетантству. Такая нереалистичная цель неизбежно деформирует и организацию учебных занятий. Начинают господствовать описательный метод, укрупненное строение учебных курсов с весьма неглубокой проработкой материала, в том числе при выполнении письменных работ, что в итоге снижает реальную квалификацию не только студентов, но и самих преподавателей. Значительная аудиторная нагрузка, не оставляющая времени на самостоятельную работу студента, делает практически невозможным применение профессиональных критериев в итоговой государственной

²⁰ Коркунов Н.М. История философии права. СПб., 1915. С. 233.

аттестации выпускников. При получении юридического диплома в России фактически оцениваются только академические знания.

Стандарт юриста широкого профиля превратился в тормоз, сдерживающий углубленную, полноценную юридическую подготовку. Он стал выгодной для многих слабых вузов формой, скрывающей низкую квалификацию выпускников, поверхностность и верхоглядство, ибо такой юрист в условиях сложнейшей и дифференцированной правовой системы – нонсенс. Необходимо несколько стандартов по уровням (бакалавриат, магистратура, специалитет) образования; профессиональному заказу (прикладной и исследовательский бакалавриаты и магистратуры); по содержанию юридической деятельности (профили уровней квалификаций).

Высшая юридическая школа объективно развивается в направлении подготовки юристов по максимально дифференцированной системе типов и траекторий образования. Такого положения, когда в каждом аккредитованном юридическом вузе будет иметься достаточное число “своих” кандидатов и докторов наук по всем направлениям юридической науки и практики, никогда уже не будет. Его нет уже и сейчас даже в центрах юридического образования. И это – нормально, если создать условия для профессионально важной академической мобильности не только студентов, но и профессоров. Так, по мнению ректора Государственного университета – Высшая школа экономики, проф. Я. Кузьмина, успешный преподаватель будущего – это совместитель, который из монопольного владельца знаний становится исследователем, наставником, консультантом, руководителем проектов. В современной высшей школе культура усвоения информации замещается культурой ее поиска и обновления. Исходя из этого, должна формироваться новая фундаментальность образования не в виде осваиваемых кирпичей знаний, но в виде формирования компетенций их усвоения. Должна произойти реабилитация свободного поиска знаний учащимися²¹.

Опыт европейских университетов в части большей гибкости учебных планов и самостоятельности вузов, факультетов и студентов в подготовке юриста заслуживает внимания. Как отмечает декан юридического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), проф. А.Я. Капустин, у “европейского вуза и студентов более широкие возможности выбора необ-

ходимых дисциплин за счет того, что факультеты и кафедры не скованы обязательными перечнями дисциплин по все тем же обязательным циклам, а имеют возможность давать модули различных дисциплин, наиболее востребованные в данный момент юридической практикой”²².

Болонский процесс позволяет нашей юридической школе воспринять и состыковать с национальным юридическим опытом актуальную педагогическую практику обучения юристов. Однако трудности на этом пути весьма значительны. Так, переход на модульный принцип организации учебного процесса у нас весьма затруднен, так как он противоречит принципу попредметного строения образовательных стандартов в России²³.

Бурное развитие законодательства, усложнение режима собственности, методов противодействия преступности с еще большей силой будут требовать новой фундаментальности, но не в смысле знания “всего” права, а в смысле навыков к широкому юридическому мышлению и способности реализовать его в конкретных сферах профессиональной деятельности. Именно по такому пути идет европейское юридическое образование в университетах – сочетание практической направленности образования, гибкости учебных программ и фундаментальности образования, направленного на формирование узкого специалиста в одной из сфер юридической деятельности, но имеющего действительно фундаментальную подготовку в этой сфере²⁴.

От базового юридического образования в виде специалиста целесообразно перейти к четырехлетней модели бакалавра как основе трехуровневой юридической подготовки с учетом реальных статусов юридических вузов. Миссия базового образования в юриспруденции должна состоять не только в том, чтобы “научить всему” в праве, но в том, чтобы сформировать базовые компетенции юриста как участника особого типа социальной деятельности. Эта модель должна стать основой фундаментального и профессионально-прикладного юридического образования. В результате появится больше возможностей для

²¹ См.: Образовательная модель будущего // Ректор вуза. 2008. № 6. С. 12.

²² Капустин А.Я. Актуальные проблемы деятельности научно-методического совета по правоведению при Минобрнауки // Информационный сборник УМО по юридическому образованию вузов России. 2006. № 2. С. 43.

²³ См.: Булаев Н.И., Бердашкевич А.П., Калинин А.В. Международные и интеграционные проблемы российского законодательства в области образования и науки. М., 2006. С. 244.

²⁴ См.: Капустин А.Я. Указ. соч. С. 43.

концентрации кадровых и материально-технических ресурсов вуза на определенном направлении юридической практики; повышения профессионализма преподавательского корпуса; для реального углубления знаний выпускников в той или иной сфере юридической деятельности²⁵. Для правоохранительных ведомств со значительной оперативной и “силовой” спецификой структура юридической подготовки может быть и непрерывной и строиться на четырехлетних или пятилетних программах специалитета или прикладного бакалавриата.

Готов ли наш рынок труда к восприятию новой структуры подготовки юристов? Далеко не во всем. От работодателей, особенно государственных юридических, правоохранительных ведомств, отвыкших от навыков обоснованных расчетов своих нужд в количестве профильных специалистов, потребуется гораздо более высокий уровень работы с персоналом, с вузами, в том числе по разработке новых и инновационных образовательных программ.

Конечно, большинство вузов, занимающихся ныне подготовкой юристов, получит право на реализацию ограниченного числа уровней и видов юридических профилей-квалификаций в соответствии со своими кадровыми и информационно-техническими возможностями. Здесь возникает проблема готовности региональных и ведомственных вузов к реальной профессиональной аккредитации.

В нынешнем виде организации юридического образования в регионах и ведомствах новая независимая профессиональная аккредитация вряд ли возможна. Региональный и ведомственный уровни юридического образования нуждаются в пересмотре своей инфраструктуры в направлении консолидации кадровых и материально-технических ресурсов, которые ныне нерационально рассредоточены по территориальной сети ведомственных вузов, многочисленным маломощным филиалам, представительствам, факультетам непрофильных вузов.

Заслуживает внимания опыт сетевого и кластерного взаимодействия образовательных структур

в подготовке специалистов, когда объединяются усилия вузов, их подразделений, работодателя, учреждения отраслевой или академической науки. Так, по мнению Е. Соболевой, вузы могут совместно открывать магистерские программы, в рамках которых какой-то курс или модуль может осваиваться в “непрофильном” или отраслевом вузе. При таком подходе становится излишним открывать, скажем, в технических или аграрных вузах юридические или экономические факультеты, целесообразнее организовывать базовую юридическую подготовку в юридическом вузе с включением отдельных специальных модулей, разработанных на базе непрофильных вузов с учетом их специализированного заказа на модель юриста²⁶.

С учетом ограниченных кадровых ресурсов наиболее перспективным в организации юридического образования на региональном и ведомственном уровнях представляется организация отраслевых кластеров в рамках федерального округа или субъекта Федерации. Такой кластер может соединить в одну систему учреждения высшего и среднего профессионального образования юридического профиля и научные учреждения независимо от ведомственной принадлежности определенной территории во главе с базовым вузом (университетом или академией). Внутри кластера, собирающего весь накопленный потенциал правовой культуры региона или ведомства, возможно наиболее эффективное разделение уровней и траекторий образования, “расширение” ведомственных барьеров, мешающих подлинно глубокому образованию юристов.

Юридическое образование не должно “потеряться” в новой инфраструктуре федеральных, исследовательских, региональных, специализированных университетов и отраслевых институтов. Наоборот, оно может получить шанс для максимальной консолидации, преодоления разобщенности, ведущей к изоляции от общенаучных и гуманитарных школ. В современном состоянии юридических факультетов большинство из них вряд ли готово к выполнению системообразующей роли в своем регионе. Поэтому на данном пути возможны изменения в статусах юридических вузов, скажем, включение специализированных академий и институтов права в составы университетских комплексов.

²⁵ За трехуровневую подготовку высказалось УМО по юридическому образованию вузов России и большинство входящих в него учебно-методических советов (УМС) федеральных округов (см.: решение Президиума УМО от 26 октября 2006 г., а также: *Кутафин О.Е.* Выступление на Совете УМО по юридическому образованию вузов России 6 апреля 2007 г. // Информационный сборник УМО по юридическому образованию вузов России. 2007. № 3. С. 3).

²⁶ См.: *Соболева Е.* Шаг из скорлупы. Будущее – за сетевыми инновационными проектами // Поиск. 2008. № 31–32. С. 6.

В ходе назревшей модернизации нуждаются в сохранении и усилении за счет регионального контекста крупные центры юридического образования в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Саратове, Ростове-на-Дону, Сибири и на Дальнем Востоке. Все организационные меры здесь должны вести к главной цели – всестороннему развитию и разумному сближению фундаментального и прикладного направлений юридической науки и обучения, реализации ведущих компонентов юридической школы: проведению базисных и прикладных исследований; получению высших квалификаций в узкоспециализированных областях права; развитию личностного потенциала российских правоведов²⁷.

²⁷ Личностные качества российских правоведов – важная составная часть модернизации профессионального образования. К сожалению, в нашей стране в пореформенный период моральные и общекультурные критерии про-

Таким образом, повышение качества юридического образования в России невозможно без возрождения как фундаментальной основы юридического образования, так и значительного усиления и дифференциации форм подготовки практикующих юристов. Создание такой сбалансированной системы не только обеспечит утилитарные потребности в кадрах отечественной правовой системы, но и окажет существенное воздействие на развитие правосознания и правовой культуры.

фессиональной подготовки фактически были отброшены, что привело к процветанию стяжательства, эгоцентризма, отсутствию прочных нравственных ориентиров у многих представителей нового поколения юридического корпуса страны. Подробнее об этом см.: *Борисов В.В.* Юридическое образование: размышления и проблемы // Проблемы развития высшего и среднего профессионального образования в Саратовской области. Сборник научных статей. С. 48–49.